

ОЛЬГА КУЦЕНКО,

доктор социологических наук, профессор,
заведующая социологической лабораторией
Харьковского национального университета
имени В.Н.Каразина

Зигзаги демократизации политического режима в Украине

Abstract

The article is dedicated to discussion of the main features of political regime transformation in post-Soviet Ukraine. In definition of political regime the author follows the actor-centered neo-institutional approach that allows to focus on individual and collective social practices determined by actor's interests, situation, and strategy of action as well as limited by actor's habitues, social skills, resources, and rules. The author argues an illiberal democratic character of formal political regime, which was embodied in the middle of 1990s in Ukraine, and discusses the zigzags of its future development. The question about social and political factors of the "Orange Revolution" explosion is also examined.

Пути уже довольно долгого развития обществ, возникших после распада системы государственного социализма, оставляют открытым вопрос о том, к какому типу общественных отношений они движутся (или пришли) и какую роль в нем играет (или будет играть) демократия. Уникальность исторической ситуации возвращения к капитализму, системный отказ от тотального контроля в условиях распадающейся советской империи и ощущение открывающейся свободы на ранних этапах трансформации породили исторический оптимизм, что отразилось в названии одной из первых фундаментальных коллективных работ, посвященных анализу "перестройки" и ее перспектив и подготовленной под общей редакцией Ю.Афанасьева, — "Иного не дано" [1]. Не случайно познавательные модели, разделявшиеся многими исследователями посткоммунистических обществ еще в начале и в середине 1990-х годов, в основном были ориентированы на императив неизбежности перехода к демократии.

Однако с середины 1990-х политические события и результаты многочисленных исследований заставили усомниться в его однозначности. Социальные и политические отношения, которые формировались в обществах бывшего государственного социализма, все более заметно демонстрировали иное и различное содержание, скрывающееся за фасадом институтов рынка и демократии. В частности, по результатам исследовательской программы Общества имени П.Лазарсфельда “Барометр новых демократий” Р.Роуз, У.Мишлер и К.Херпфер во второй половине 1990-х годов сделали вывод о дивергенции процесса демократизации в посткоммунистических странах и идентифицировали четыре группы стран по степени проявления консолидированной vs неконсолидированной демократии. Напомним, что к первой группе стран с “консолидированной”, хотя и “незавершенной” демократией авторы отнесли Польшу, Чехию, Венгрию и Словению. К четвертой группе — Россию, Украину, Беларусь, где перспективы либеральной демократии в целом оценивались как проблематичные [2, с. 223–227]. Согласно выводам одного из авторитетных исследователей трансформации режимов Т.Каротерса, большинство стран “третьей волны” демократизации ушли в сторону от перспектив функциональной демократии, “возвратившись” к авторитаризму (Узбекистан, Туркменистан, Беларусь) либо “застряв” в “серой зоне” между демократией и диктатурой (Россия, Украина¹ и др.) [4]. В последние годы раздавалось все больше голосов о том, что в Украине, так же как и в России, произошел поворот к авторитаризму.

Опыт посткоммунистических трансформаций стран Восточной Европы и бывшего СССР убеждает в том, что предзаданности в социальном развитии нет. Исследователи могут выделять доминантные тенденции становления и воспроизводства общественных форм, однако существующие на определенный момент развития побочные тенденции (в том числе контртенденции), те или иные кооперативные эффекты, непредвиденные следствия действий людей вмешиваются в “ход истории”, делая возможным “невозможное”. События конца 2004 года в Украине — один из ярких примеров таких “зигзагов истории”. В данной работе будет предпринята попытка выделить ведущие тенденции трансформации политического режима в постсоветской Украине. Полагаю, что до недавнего прошлого эти тенденции в главных чертах были близкими для Украины и России; вместе с тем различие тенденций, и особенно в последнее время, открывает вероятную множественность путей, по которым могут двигаться эти и другие, близкие им страны.

Уточнение концептуального подхода к исследованию политического режима и процесса демократизации

Выбранный исследователем способ видения и объяснения социальных феноменов служит своего рода “призмой”, сквозь которую удастся увидеть определенную и всегда ограниченную реальность бытия. Не вдаваясь в дискуссии о преимуществах и недостатках существующих многообразных под-

---

¹ Подробнее см. в статье И.Бекешкиной [3].

ходов к определению режима¹ и концептуализации феномена демократии, уточню “призму” понимания, реализованную в данном исследовании и основанную на методологии *деятельностно-структурного синтеза, акторо-центрированного институционального подхода*². Избранный подход позволяет сфокусировать анализ на индивидуальных и коллективных практиках людей, (а) определяемых их интересами, ситуациями и стратегиями и (б) ограниченных их габитусами, социальными умениями и структурами ресурсов и правил.

В рамках этого подхода и в традиции Г.О’Доннелла и Ф.Шмиттера [6, с. 73] понятием **политического режима** я буду описывать сложившиеся в определенной общественной системе явные и неявные модели доступа к государственно-управленческим позициям, которые определяются и ограничиваются интересами, габитусами, социальными умениями заинтересованных акторов, структурами ресурсов и правил и стратегиями их достижения. Содержание возникающих моделей становится не столько результатом целенаправленных решений, сколько следствием кооперативных эффектов взаимодействий людей и институтов, включенных в определенные структурные и культурные условия, пытающихся реализовать свои интересы, приспособляясь или преодолевая структурные барьеры (либо их обходя) в соответствии с собственными представлениями о том, *что хотим, что можем и как можем*.

В какой мере содержание возникающего (воспроизводящегося) режима может быть описано термином демократия? Ответ на этот вопрос предполагает введение в базовое определение политического режима уточняющих признаков. Именно поэтому следующий наш тезис связан с толкованием **феномена демократии** в современных обществах. Как отмечают многие исследователи, данный феномен при “приближении” к нему постоянно ускользает, что создает массу казуистики в теоретических интерпретациях [9]. В существующем многообразии интерпретаций, пожалуй, наиболее употребляемым остается определение, развиваемое в рамках традиций Й.Шумпетера и Р.Далля [10]. Данная интерпретация предполагает признание *множественности реальных форм демократии* (полиархии) и отражает наиболее общий ее смысл *как политического механизма устройства общества, препятствующего монополизации власти и процесса правления*. Такой смысл демократии может быть измерен тремя взаимосвязанными признаками:

- наличие и степень (масштабы, эффективность) политической конкуренции;
- наличие, масштабы и эффективность политического участия;
- роль закона в правилах, на основе которых действует режим.

Последний признак, предложенный Ф.Закарией и развитый В.Меркелем и А.Круассаном [11], позволяет выйти из методологической коллизии объяснения режимов “серой зоны” [4] и признать, вслед за авторами, существование и нелиберальных (“дефектных”, по В.Меркелю и А.Круассану) форм демократий.

¹ См., напр.: [5].

² Применительно к анализу политических процессов см.: [6–8].

Власть всегда предполагает асимметрию отношений. В случае властных отношений, основанных на принуждении, это очевидно. Однако асимметрия возникает и тогда, когда влияние опирается на взаимный с обществом интерес или ценностное согласие: асимметрия становится следствием неизбежного со стороны доминирующих акторов контроля над ресурсами, информацией, интерпретациями ценностей и смыслов, и наконец, следствием “действий не по правилам” (определение О.Уильямсона — [12]) в достижении целей. Если принять эту точку зрения, то демократия в любых ее проявлениях может быть описана как мера симметрии / асимметрии таких отношений. Асимметрию властных отношений могут смягчать всякого рода посредники, в роли которых способны выступать демократические институты: партии, общественные объединения, выборы, формы PR, электоральная и парламентская сцены, публично утверждающие и легитимирующие правила игры, допускающие участие. Однако при отсутствии возможностей непосредственных коммуникаций между носителями власти и общественностью данные формы, как убедительно показывает Ю.Хабермас, не только замещают непосредственные коммуникации между ними, но и подменяют их демонстративной и манипулятивной публичностью институций, действующих “через голову публики” [13, с. 190–197]. *При этом общественности практически остается только роль зрителя в этом процессе. Общественность, по сути, сводится в своей совокупности к “человеку голосующему” и “зрителю-участнику политических событий”, инициируемых или провоцируемых носителями ресурсов влияния. Этот тезис важен в понимании того, что **развитие множественных форм реальной демократии происходит отнюдь не только (и не столько) по либеральным принципам.***

Важнейшее же различие либеральных и нелиберальных (“дефектных”) демократий заключается в наличии или отсутствии *прочных гарантий базовых политических прав и свобод, а также эффективного горизонтального контроля* [11, с. 7]. В силу указанной специфики нелиберальные демократии оказываются в состоянии балансирования между либеральной демократией и автократией, а общественности и заинтересованным акторам необходимо предпринимать постоянные усилия для удержания режима в поле демократических процедур.

Если следовать данной теоретической логике, то приходится признать, что в начале–середине 1900-х годов в Украине были сформированы довольно устойчивые формально-процессуальные институты демократии: стали функционировать конкурентные выборы, парламенты, многопартийность, негосударственные СМИ; кроме того, существенно снизилась популярность альтернативных политических режимов и способов правления. *Это позволяет описывать сложившийся на этой основе режим как, в целом, демократический.* Однако ответы на следующие вопросы — о какой демократии может идти речь и каковы перспективы развития режима — требуют специального рассмотрения.

Какая демократия возможна?

Поиск ответа на поставленный вопрос в рамках заявленной методологии предполагает обсуждение особенностей правил (формальных и неформальных) и практик доступа к государственно-управленческим позициям, а

также заинтересованных в доступе акторов (представителей элит и внеэлитных групп) с точки зрения их ресурсов, социальных умений, габитусов и стратегий. Мы сфокусируем внимание лишь на отдельных принципиальных аспектах анализа. В качестве эмпирической базы будут использованы данные ежегодного национального мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины, Международным Фондом избирательных систем, а также, для уточнения эмпирических проявлений некоторых показателей, данные ежеквартального мониторинга, проводившегося в 2003–2004 годах в Луганской области Социологической лабораторией Харьковского национального университета им. В.Каразина под руководством автора.

Формально-процессуальная демократия, сложившаяся к середине 1990-х годов в Украине, не была продуктом исторической эволюции гражданского общества, отстаивающего свои интересы, притязания на свободу и создающего соответствующие механизмы их обеспечения. Демократические формы явились результатом сознательного вмешательства со стороны элит (за которым часто просматривались отнюдь не демократические интересы ведущих игроков), следствием законодательного введения процессуальных элементов демократии. Согласно логике перехода к либеральной демократии и рынку, важнейшей целью и результатом такого институционального сдвига должно было стать разделение власти и собственности, или бизнеса; политики и администрирования.

Однако этого не произошло, прежде всего, из-за незаинтересованности элит, осуществлявших институциональные реформы и фактически не контролируемых слабым гражданским обществом. Интересы и устремления элит и формирующегося нового правящего класса, скрывавшиеся за риторикой демократии, сводились к обеспечению себе гегемонного положения в системе власти и собственности. Именно они устанавливали правила игры, позволяющие контролировать важнейшие позиции в политическом поле и использовать государство и механизмы коррупции для “захвата” бывшей государственной собственности¹. В устанавливаемых правилах многое наследовалось от типичных форм взаимодействия, характерных для позднего советского общества, и правила эти становились более жесткими и циничными. Сильная зависимость институциональных изменений от укорененных в “прошлом” стереотипов, установок и правил жизни не могла не изгибать “временную стрелу” демократизации, неизбежно вызывая реверсивные смещения *к устойчивому воспроизводству авторитарно-патерналистских отношений в политической системе*. Между данным типом отношений и процессуальными формами демократии происходил структурный синтез, рождающий симбиотические формы нелиберальной версии демократического режима и создающий реальную угрозу отхода от демократии.

В Украине важными факторами формирования политического режима, определившими его особенности, также стали:

- слабость и высокая степень политической поляризации национальной элиты, что проявилось уже в начале 1990-х годов;
- высокая конкуренция частных интересов за установление контроля над правительством;

¹ Понятие и механизмы “state capture” см.: [14].

- сохранение кадров прошлой системы на большинстве ключевых позиций административного управления как национального, так и регионального уровней;
- сложившаяся к концу 1990-х консолидация правящих элит вокруг акторов-гегемонов;
- расцвет бюрократической коррупции, реализующей механизмы “захвата государства”;
- связанная с вышеназванными факторами низкая степень доверия населения к проводимой политике, новым институтам и лидерам.

На протяжении 1990-х годов демократия не стала “игрой всех без исключения” [15] как в среде элит, так и в социальных средах общности. Лишь недолгое время — в самом начале 1990-х — в Украине наблюдался всплеск гражданской заинтересованности и доверия к институтам власти со стороны граждан. Но уже с 1993 года — и что парадоксально, в период активного утверждения процессуальных форм демократии — происходит резкое падение этих показателей. Согласно данным ежегодного национального мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Украины, с 1994 года доверие граждан Украины к ведущим политическим институтам и лидерам определилось на уровне 7%–12% (“полностью” и “частично доверяют”)¹ с незначительными колебаниями в последующие годы [16, с. 20].

В то же время степень доверия граждан к большинству субъектов власти на региональном уровне была более высокой — об этом свидетельствовали, в частности, данные наших мониторингов на примере Луганской области (рис. 1). Уровень персонифицированного доверия к представителям областной, местной власти и органов самоуправления в 1,5–2 раза превышал уровень доверия к высшим институтам государственной власти. На этом фоне показателен всплеск доверия к действовавшему премьер-министру В.Януковичу, происшедший в течение года, по крайней мере, среди жителей Луганской области.

Низкое доверие стало не только продуктом разрушения системы институционализированного доверия, сложившегося в советской системе, но и в значительной степени (или прежде всего) — результатом *неудовлетворительной оценки гражданами работы институтов власти*, разрывом между ожиданиями по поводу деятельности властных институций и их удовлетворением.

Данное состояние с конца 1993 года сопровождалось *неуклонным падением веры граждан в демократию* как механизм, способный ограничивать монополию на власть, и *ростом негативных оценок существующего режима*. По данным мониторинга Международного Фонда избирательных систем, начиная с 1997 года более половины опрошенных граждан заявляли о том, что Украина не является демократическим государством; в 2003 году этот

---

¹ Справедливости ради надо отметить, что все посткоммунистические общества отличаются *низким уровнем доверия* в публичной сфере жизни. В течение долгих лет советского общества безоговорочное доверие к системе навязывалось сверху, поддерживалось тотальным контролем лояльности, что не могло не травмировать личность, а точнее — ее *качество гражданственности*. С подрывом системы *институционализированного доверия* она обернулась своей противоположностью.

показатель достиг максимума за период проведения мониторингов и составил 64% от числа опрошенных [17, с. 20–21]. Это подтверждают и данные шести мониторинговых опросов, проведенных с апреля 2003 по ноябрь 2004 года в Луганской области Социологической лабораторией Харьковского национального университета. Оценивая перспективы становления Украины как демократического государства, 60%–68% опрошенных настойчиво утверждали, что в ближайшем будущем развитие демократии в Украине невозможно (рис. 2), из них 20% полагали, что демократия в Украине “в принципе невозможна”.

Если в декабре 2000 года среди тех, кто интересуется политикой, 42% граждан полностью либо частично соглашались с утверждением о том, что путем голосования можно влиять на принимаемые в государстве решения, то к концу 2003-го — в период после парламентских выборов 2002 года и перед президентскими выборами 2004-го — доля таковых уменьшилась до 29% [17, с. 33]. На протяжении 1990-х годов с понятия “демократия” слетел ореол идеала, в нем преломилась реальность повседневности, а реальность оказалась далекой даже от самых заземленных идеалов. Более того, опыт повседневной жизни не сломал настороженного отношения граждан к демократии как к тому, что привнесено извне; *не сформировалась* вера в способность демократических институтов обеспечить участие граждан и ограничить монополию на власть; все столь же широким оставалось ощущение не-свободы в государстве.

Социальными эффектами такой ситуации *стали политическая апатия “молчаливого большинства”, крайне низкая легитимность институтов власти, рассогласование между формальными и неформальными политическими практиками.* Демократия не стала безусловной ценностью для украинских граждан.

Эти и другие факты способствовали распространению в начале 2000-х годов в обществе в целом и среди либеральной общественности **ощущения обреченности демократии, ожиданий дальнейшего реверсивного движения и смещения нелиберальной демократии к автократии.**

Однако с начала 2000-х общественная ситуация в Украине стала любопытным образом меняться, **демонстрируя активный процесс структурирования интересов в социальных средах элит и общественности и исчерпание гегемонной модели консолидации режима.**

С 2001 года в Украине стал явным *внутриэлитный раскол*, в основе которого лежал, прежде всего, конфликт по поводу отношений присвоения и способов контроля. Этот раскол уже не мог быть преодолен традиционными административными или клиентельными способами. Фактически в начале 2000-х годов от “партии власти” откололась часть влиятельных олигархических бизнес-партий и значительная часть национально-демократических субэлит. Они начали себя по-новому позиционировать в политическом поле. Политическая борьба за господство, за возможность политически и административно контролировать конкуренцию на экономическом рынке, в том числе приватизацию оставшихся стратегических объектов государственной собственности, контролировать лояльность граждан существенно усиливалась и в 2004 году приобрела очень жесткую форму [подр. см.: 18]. Не случайно в канун новых президентских выборов — с весны (апрель–июль) 2004 года — в ситуации с крупномасштабной приватизацией в стране

произошел принципиальный сдвиг: самые дорогие и привлекательные государственные объекты, которые не продавались годами, стали приватизироваться представителями правящей бизнес-политической элиты с высокой скоростью и по низким ценам. Таким образом, политическая реформа потерпела провал, и под давлением оппозиционных сил политическая борьба перешла в русло президентской избирательной кампании.

В то же время все более настойчиво о своих интересах стали заявлять предприниматели (мелкая и средняя буржуазия, прежде всего, в сфере торговли и посредничества), высокообразованные специалисты, “профессионалы”; в среде крупного бизнеса нарастало недовольство зависимостью от политической конъюнктуры, высокими “налогами” на лояльность со стороны власти. Исследования начала 2000-х годов (проводимые, в частности, Социологической лабораторией Харьковского национального университета среди школьников Луганской области и студентов Харькова) показывали рост политической вовлеченности молодежи, которая участвовала в школьных и университетских программах по развитию демократии и самоуправления и в игровых учебных формах приобретала первичный опыт и “вкус” к демократической жизни.

Несмотря на проявляемое внешне политическое отчуждение “молчаливого большинства”, опыт избирательных кампаний 1999 и 2002 годов в Украине все более явственно показывал, что **политическое участие и демократический контроль над властью находятся в поле общественного внимания** (в отличие от ситуации, диагностированной Ю.Левадой в российском обществе [19, с. 234]). Несмотря на сильное и продолжительное давление экономических и социальных трудностей, граждане Украины проявляли достаточно высокий уровень интереса к политике и особенно высокий интерес к деятельности органов власти. Например, в Луганской области желание больше узнать о действиях областной и местной власти демонстрировали две трети граждан (63%).

То есть проблема заключалась не в уровне внимания общественности к возможностям демократии, а, **во-первых**, в *глубоком недоверии господствующим социальным и политическим акторам; во-вторых*, в *отсутствии на политической сцене лидеров, движений и партий, способных преодолеть “порог недоверия” граждан, стимулировать преодоление барьера социальной привычки к тому, что власть с “простым гражданином” не считается, и канализировать массовую политическую мобилизацию.*

К 2003–2004 годам политическая система Украины оказалась у точки бифуркации, когда дальнейшее движение фактически могло идти только двумя путями:

- а) “схлопывание” нелиберальной формы демократии в силу углубления внутренних противоречий при сохранении сложившейся модели политического господства и с неизбежным сползанием режима к авторитаризму;
- б) либерализация системы и развитие либеральных версий демократии, ограничивающих монополию на власть, разделяющих бизнес, политику и администрирование и формализующих правила взаимодействия между ними.

На протяжении 2000-х годов происходило нарастание социального противостояния по линиям (1) конкурирующих элит, (2) формирующихся

классов в средах малого и среднего предпринимательства, высококвалифицированных профессионалов, крупного бизнеса, с одной стороны, и господствующих структур, стремящихся контролировать их деятельность и извлекать из этого ренту — с другой, (3) в целом общественности и власти (рис. 3).

Эти противостояния существенно осложняла борьба между Западом (США с их активным экспансионистским геополитическим курсом, а также странами Европейского Союза с их более умеренной позицией) и Россией за влияние на Украину.

Однако предвидеть события “оранжевой революции” — и прежде всего “**восстание масс**” (термин Ортеги-и-Гассета) — на основе проводимых социологических мониторингов было практически невозможно: на фоне роста материального благополучия и ухудшения социального самочувствия граждан традиционные показатели протестной активности оставались низкими. Это было “нормальным” проявлением бифуркационной формы движения, в которую вновь погружалась политическая система Украины, что не могло не затрагивать и общество в целом. Однако должно было насторожить то, что в условиях низкого доверия к институтам демократии предстоящие в 2004 году выборы Президента Украины гражданами остро **переживались на личностном уровне**: многие рассматривали выборы как значимое событие, способное изменить к лучшему ситуацию не только в стране, но и в жизни семей (к примеру, в Луганской области так полагали 49% опрошенных — см. табл. 1, 2). Частично этими ожиданиями можно объяснить и принципиальную поляризацию предпочтений граждан в отношении лидирующих кандидатов в Президенты (по принципу — “третьего не дано”) и готовность эти предпочтения всеми силами отстаивать.

На фоне нарастающего противостояния между социальными и экономико-политическими силами *толчком к социальному взрыву* стали наглость и цинизм, с которыми действовала власть в период избирательной кампании 2004 года.

Уже в начале сентября 2004-го большинство граждан (в Луганской области — 60%) были убеждены, что во время избирательной кампании будут использоваться административные методы давления. Опять-таки, что касается прогнозирования политического процесса, должно было насторожить распределение предполагаемых реакций граждан на административное давление (рис. 4, 5). Несмотря на то, что оценки возможных реакций со стороны “других” и оценки собственных реакций существенно расходились, нетрудно заметить в распределении ответов (рис. 4, 5) **заявление личностных позиций и проявление скрытого протеста**, который при определенных условиях мог стать явным.

В такой ситуации, поскольку влияние административного ресурса могло оказаться неэффективным, более того, вызвать протестное поведение, *для власти оставался единственный реальный шанс “подстраховать” результаты голосования*, а именно: организовать их **фальсификацию**.

В первых числах ноября 2004 года респондентам в Луганской области мы задавали вопрос в следующей форме: “Центральная избирательная комиссия огласила предварительные результаты первого тура голосования на выборах Президента Украины, состоявшегося 1 ноября 2004 года. *Считаете ли Вы, что объявленные результаты выборов являются честными или нет?*” Отвечая на вопрос, 40% респондентов выбрали вариант “**объявленные**

результаты отражают реальное голосование”, в то время как 38% посчитали объявленные результаты выборов *сфальсифицированными* (рис. 6). Интересно заметить, что еще в начале июля 2004 года во время экспертного опроса 21% экспертов — государственные чиновники — или допускали возможность фальсификации, или были убеждены в неизбежности этого.

Нарастающее противостояние между социальными, политико-экономическими силами, откровенный цинизм в действиях власти, высокие ожидания граждан по поводу результатов президентской кампании, которым, похоже, не суждено было оправдаться, — все это привело в конце концов к социальному взрыву, означавшему, в том числе, **преодоление общественностью неверия в собственные силы**. Преодолению неверия и канализации массового протеста также способствовали (1) сформированный образ оппозиционного лидера “народного доверия”, его харизматичность, (2) организованность и широкая представленность в масштабах страны оппозиционных сил, (3) применение массовых технологий виртуализации реальности¹. В результате “восстание элит” (*К.Лэи*) переросло в “восстание масс” (*Ортега-и-Гассет*). Однако если “восстание элит” было прогнозируемым и стало очевидным еще до формального начала избирательной кампании, то “восстание масс” оказалось неожиданным. И такая неожиданность, с нашей точки зрения, была проявлением бифуркационной формы движения, в которой разворачивался политический процесс. Хотя при внимательном взгляде на социологические показатели симптомы возможного массового протеста можно было разглядеть и заранее.

Вместо заключения

События “оранжевой революции” дали шанс для либерализации режима в Украине. Вместе с тем движение общества и политической системы по “лезвию бритвы” будет продолжаться, по крайней мере, вплоть до парламентских выборов 2006 года, которые могут закрепить те или иные результаты происходящей политической борьбы. А будущее демократии существенно зависит от способности пришедших к власти после президентских выборов элит разделить бизнес и политику, установить гарантии базовых прав и свобод, прозрачные правила институциональных взаимодействий и контроля, от способности преодолеть межрегиональные политические расколы и сохранить (расширить) доверие и лояльность граждан и бизнеса. При этом роль “ведущей скрипки” общественных преобразований вновь достается элитам, а общественности остается роль “зрителя” происходящих процессов, — и в этом парадокс развития демократии.

---

¹ Возможности использования виртуальных технологий при смене власти, механизмы и перспективы “виртуальных революций” проанализированы Г.Почепцовым [20].

Приложение

Ниже представлены рисунки, подготовленные на основе **эмпирической базы** исследований, проведенных Социологической лабораторией Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина совместно с консалтинговым агентством “Виват” в 2003–2004 годах:

1. Социологический мониторинг **“Жители Луганской области о себе, областной и местной власти, о политической реформе”** — апрель 2003 года. Реализованная выборочная совокупность 1189 человек. Отклонение контрольных показателей расчетной выборки от реализованной составило 1,4%. Выборка многоступенчатая, квотная со случайным отбором респондентов в опорных точках. Репрезентирует население области старше 18 лет по типу поселения, полу и возрасту.

2. Социологический мониторинг **“Социальные проблемы и политические настроения жителей Луганской области – 2004”** — апрель–май 2004 года. Реализованная выборочная совокупность 787 человек. Отклонение контрольных показателей расчетной выборки от реализованной составило 2,2%. Выборка многоступенчатая, квотная со случайным отбором респондентов в опорных точках. Репрезентирует население области старше 18 лет по типу поселения, полу и возрасту.

3. **Экспертный опрос**, проведенный с 11 по 19 июля в Луганской области. Метод — полужформализованное интервью в технике раздаточного анкетирования. В опросе приняло участие 348 экспертов. Методология формирования группы экспертов предполагала квотно-случайный отбор экспертов из числа разного ранга руководителей организаций (органов областной власти и местного самоуправления, учреждений здравоохранения, государственных и негосударственных производственных предприятий, средств массовой информации, учреждений образования и культуры, социальных служб и служб занятости).

4. Социологический мониторинг **“Настроения жителей Луганской области накануне выборов Президента Украины”**, проведенный в Луганской области с 14 по 19 сентября 2004 года. Реализованная выборочная совокупность составила 1201 человек. Отклонение контрольных показателей расчетной выборки от реализованной составило 1,8 %. Выборка многоступенчатая, квотная со случайным отбором респондентов в опорных точках. Репрезентирует население области старше 18 лет по типу поселения, полу и возрасту.

5. Социологический **мониторинг электоральных предпочтений избирателей**, проживающих в Луганской области, проведенный с 5 по 7 ноября 2004 года. Реализованная выборочная совокупность 780 человек. Процедура построения выборочной совокупности аналогична.

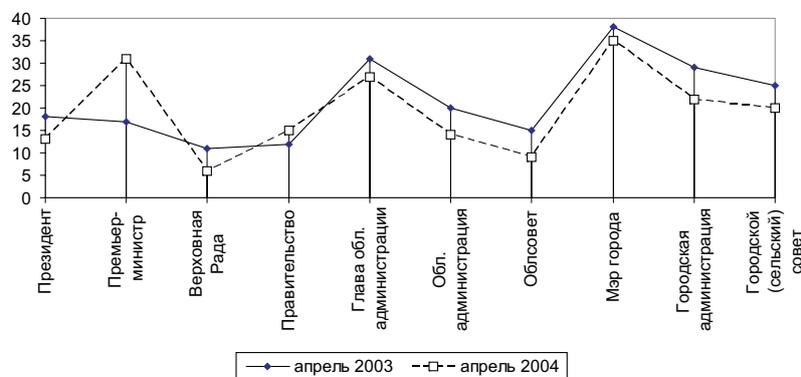

Рис. 1. Степень доверия взрослого населения Луганской области к институтам государственной, областной и местной власти и самоуправления в Украине (n = 1200, % к опрошенным, апрель 2003 года, апрель 2004 года)

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: “Верите Вы в то, что Украина уже сейчас является или скоро станет демократическим государством?” (n = 1200, % к опрошенным, апрель 2003 года)

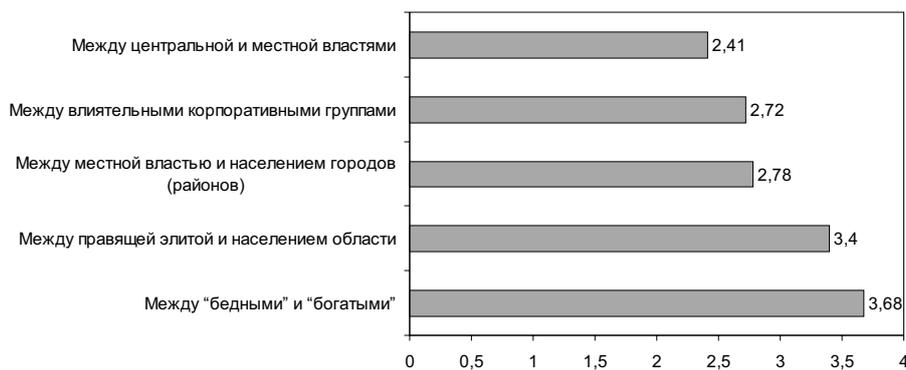

Рис. 3. Наиболее весомые средние показатели социальной напряженности между разными группами в Луганской области, согласно оценкам экспертов, июль 2004 года (пятибалльная шкала оценок, где “5” – существенная социальная напряженность, “1” – отсутствие социальной напряженности)

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
 “Связываете ли Вы с предстоящими выборами
 Президента Украины надежды на улучшение в ближайшие годы...”
 (опрос в Луганской области, сентябрь 2004 года, $n = 1201$)

...ВАШЕЙ ЖИЗНИ (жизни Вашей семьи)?		...СИТУАЦИИ В СТРАНЕ?	
1. ДА	48,1	1. ДА	51,6
2. НЕТ	26,1	2. НЕТ	21,4
3. ТРУДНО СКАЗАТЬ	25,8	3. ТРУДНО СКАЗАТЬ	27,0

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос
 “Как Вы считаете, выборы Президента Украины – это...”
 (по выбору одного варианта; опрос в Луганской области, сентябрь 2004 года, $n = 1201$)

1. ...важное событие для Украины, которое может изменить ситуацию к лучшему	48,9
2. ...очередное мероприятие, которое ничего принципиально не изменит	31,6
3. ...событие, которое может привести к расколу общества и ухудшению ситуации	3,9
4. ...мне это безразлично	4,4
5. ...трудно сказать	11,2

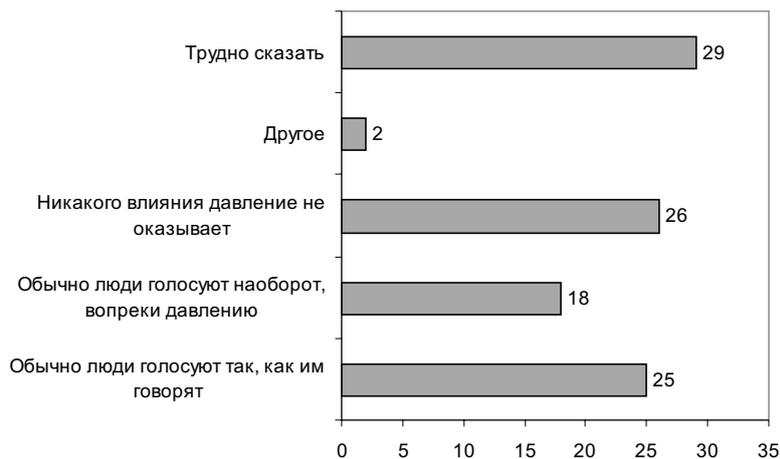
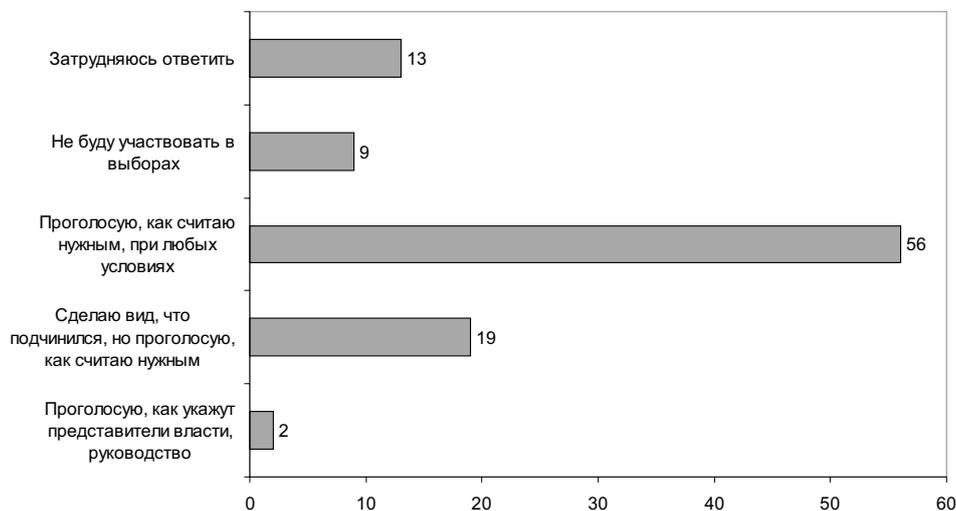

Рис. 4. Оценка респондентами влияния административного давления на избирателей их населенного пункта во время выборов (сентябрь 2004 года, Луганская обл., $n = 1201$, % к опрошенным)

Рис. 5. Предполагаемые стратегии респондентов в ответ на попытку заставить голосовать против их выбора со стороны действующих властей, руководителей организаций (сентябрь 2004 года, Луганская обл., $n = 1045$, % к ответившим)

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Центральная избирательная комиссия Украины огласила результаты первого тура голосования на выборах Президента Украины, состоявшегося 1 ноября 2004 года. Считаете ли Вы, что объявленные результаты выборов являются честными или же сфальсифицированными?» (массив по Луганской области, ноябрь 2004 года, $n = 780$, % к опрошенным)

Литература

1. Иного не дано. Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему / Под ред. Ю.Н.Афанасьева. — М., 1988.
2. Rose R., Mishler W., Haerpfer Ch. Democracy and its Alternatives. Understanding Post-Communist Societies. — Baltimore (Md.), 1998.
3. Бекешкина И.Э. Украина — в транзите или в «серой зоне» // Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / Под ред. О.Д.Куценко, С.С.Бабенко. — Харьков, 2004. — С. 354–376.
4. Carothers Th. The End of the Transitional Paradigm // Journal of Democracy. — 2002. — Vol.13. — № 1. — P. 6–21.

5. *Цыганков А.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. — М., 1995. — С.9–18; *Голосов Г.В.* Сравнительная политология. — СПб., 2001. — С.63–99; Россия регионов: трансформация политических режимов / Под ред. В.Гельмана, С.Рыженкова, М.Бри. — М., 2000. — С. 16–60.
6. *O'Donnell G., Schmitter P.* Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. — Baltimore, 1986.
7. *Scharpf F.W.* Games Real Actors Play. Actor-Centered Institutionalism in Policy Research Boulder. — Oxford, 1997.
8. Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / Под ред. О.Д.Куценко. — Харьков, 2004. — С. 17–26.
9. *Collier D., Levitsky S.* Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // *World Politics*. — 1997. — Vol. 49. — № 3.
10. *Dahl R.* Polyarchy: Participation and Opposition. — New Haven; L., 1971; *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. — М., 1995. — С. 354–378.
11. *Zakaria F.* The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*. — 1997. — Vol.76; *Merkel W., u.a.* Defekte Demokratie. — Opladen, 2003; *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Полис*. — 2002. — № 1. — С.6–17.
12. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, “отношенческая” контракция. — СПб., 1996.
13. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. — М., 1995.
14. *Hellman J.S., Geraint J., Kaufman D., Schankerman M.* Measuring Governance, Corruption and State Capture. How Firms and Bureaucrats Shape the Business Environment in Transition Economics // *World Bank Policy Research*. — 2000. — Paper 2312.
15. *Linz J.J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. — Baltimore (Md.), 1996.
16. Українське суспільство 1994–2004: соціологічний моніторинг / За ред. Н.Паніної. — К., 2004.
17. *Шарма Р., Ван Дюсен Н.* Ставлення та очікування: Опитування громадської думки в Україні 2003. Висновки опитування Міжнародної Фундації Виборчих систем. — Вашингтон, 2004.
18. *Kutsenko O.* Process and Outcomes of Economic and Political Elite Networks Crystallization (the case of Ukraine) // *Cohesion and Division of Economic Elites in Central and Eastern Europe* / Ed. by G.Lengyel. — Budapest, 2004. — P. 205–221.
19. *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. — М., 2000.
20. *Почепцов Г.* Віртуальні революції: використання віртуальних об'єктів при зміні влади // *Політичний менеджмент*. — 2004. — № 4 (7). — С. 3–16.